

ШАНЕЛЬ № 1

Мне всегда приходилось выбирать между мужчинами и моей работой. И я всегда выбирала работу, потому что без нее я просто Габриэль, а с ней — КОКО ШАНЕЛЬ, единственная и неповторимая.

— Герцогинь много, а Шанель одна! —
Такого ответа на предложение стать его супругой герцог Вестминстерский от меня явно не ожидал.

У него было все, и даже больше. Герцог и сам не ведал, сколько стоят его яхты, дворцы, замки, оранжереи, охотничьи угодья, лошади, бриллианты... Он не был снобом — обожал удобную одежду, плевал на множество правил и запретов и носил страшно стоптанные туфли, потому что ими не натрешь ноги. У нас нашлось много общего, даже прозвища: у меня Коко из-за песенки про петуха, у него Вендор по кличке любимой кобылы деда. А еще герцог дружил с Уинстоном Черчиллем, которого «странности» Вендора не шокировали и который звал его запросто: «Бенни».

Безумно богатый, прекрасный любовник и интересный человек, не испугавшийся моего происхождения, готов сделать меня, вчерашнюю швею, пусть и заработавшую целое состояние (но ведь заработавшую, а не получившую по наследству), герцогиней.

И вдруг отказ...

Когда-то первый герцог Вестминстерский, дед моего Вендора, в ответ на предложение американского миллиардера продать знаменитую лошадь, в честь которой назван внук, заявил:

— Всех денег Америки не хватит, чтобы купить это сокровище.

Я могла бы ответить похоже:

— Всех денег мира не хватит, чтобы купить Коко Шанель.

Оставить свое дело ради призрачного счастья зваться герцогиней?

ОБАЗИН

Детские обиды самые сильные и помнятся дольше других, потому что дети обижаются сердцем, а взрослые разумом. Разум способен победить обиду, сердце — нет, на нем остаются шрамы, которые не расправишь, как складки на ткани.

Наверное, надо по порядку? Попробую...

Из детства я хорошо помню отца и плохо мать. Не помню или не хочу помнить? Скорее второе.

Она часто кашляла и задыхалась. Позже мне стало казаться, что это была чахотка, наверняка это была чахотка. Мать — это бедность, страдания и ожидание. «Вот вернется отец...» Из ее рассказов получалось, что отец вернется из своих бесконечных вояжей по ярмаркам, и мы все уедем в какую-то лучшую жизнь, где нет холода, где всегда светло, тепло и сытно. А еще весело. Отец ассоциировался с этой жизнью и с надеждой.

Постепенно мне стало казаться, что именно мать виновата, что он не живет с нами, как другие отцы. Наверное, ему надоели болезни и нытье жены.

Однажды я поинтересовалась, почему же папа не забирает и нас в это прекрасное далёко? Может, у него там другая семья? Мать рассердилась и стала уезжать тоже. Она ездила за мужем следом и рожала детей. А потом умерла.

Пятерых детей надо куда-то девать, ведь отец так и не нашел благословенных земель. Однако родственники от нас отказались, у них не было возможности приютить сирот.

Сирота. Ненавижу это слово! Сирота — это когда ты никому не нужна, причем

любой может ткнуть в тебя пальцем и объявить об этом во всеуслышание. Вы хотели бы вспоминать такое детство?

Казалось, мы с сестрами достаточно взрослые, чтобы искать эту самую красивую жизнь вместе с отцом, ведь колесила же с ним по дорогам мать. Но он считал иначе и отвез нас в приют в Обазине. «Я вернусь, я обязательно приеду за вами...»

— Когда найдешь красивую жизнь?

— Да, обязательно.

Я смотрела вслед отцу и понимала, что не вернется, что сиротство навсегда. Но разве можно поверить в ненужность, когда тебе двенадцатый год? На сердце уже был шрам, но оно еще предпочитало надеяться. Он так же обещал матери, и она так же ждала.

Я тоже ждала вопреки всему: здравому смыслу, оскорблениям, проходящим годам. До сих пор жду, вдруг он все же вернется?

Обазин... Обазин... Обазин...

Дался им этот Обазин! Ездят, копают, вынохивают... Словно в моей жизни ничего более значительного и интересного, чем монастырский приют, не было.

Мне самой иногда кажется, что я родилась ПОСЛЕ Обазина. Какая разница, в каком возрасте меня туда определили и в каком выпустили?

— Я не нищая!

— А кто же ты, если за тебя не платят?

Вы с сестрами самые что ни на есть нищие сироты.

— Неправда! Наш отец просто уехал!

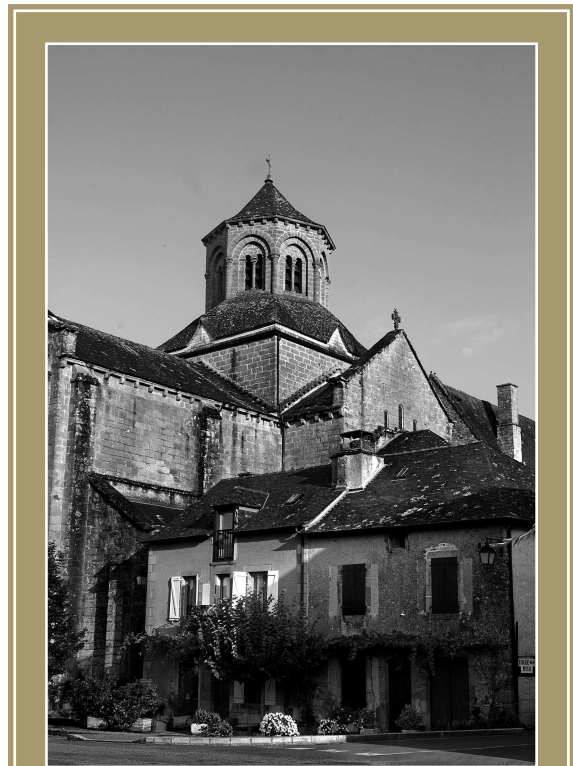
— Куда?

— В... в Америку! Вот он вернется и заберет нас туда!

Я слышала разговоры о том, что в Америке люди живут очень богато, и тогда думала, что это где-то около Парижа просто потому, что Париж для всех был чем-то совершенно роскошным.

— Он прислал мне платье для первого причастия!

Отец и правда прислал белое платье с оборками, кружевами, пояском, на котором висела сумочка, и, наконец, вен-

Уехав, я больше ни разу не побывала в монастырских стенах. Боялась, чтобы прошлое не утащило меня обратно или чтобы о нем никто не узнал?

ком из искусственных розочек. Мне казалось, что ничего красивей быть просто не может, потому что платье выбрал отец! Позже поняла, что оно удивительно безвкусное именно из-за обилия отделки, аляповатой и дешевой.

Но тогда оборки выглядели верхом совершенства, ведь это подарок отца, отец не забыл, значит, он вернется!

Я не могла написать слов благодарности, потому что у отца не имелось постоянного адреса, но сколько раз мысленно сочиняла письма!

Рассказывала ему обо всем, о том, что была самой красивой во время первого причастия, ведь остальные девочки надели чепчики, а у меня на голове веноч. Это очень важно, вынужденная носить одинаковое со всеми, но куда более потрепанное форменное платье, я мечтала хоть чем-то отличаться.

Что я часто мою голову желтым мылом, помня, как он не любит запаха грязных волос, что я вообще моюсь при любой возможности. «Папа, от меня пахнет только чистотой!» Запах чистоты навсегда остался для меня самым желанным и важным.

Но главное, я рассказывала, как жду его и обязательно дождусь. Обязательно!

Как заклинание:

— Только вернись, только не обмани.

Я жаловалась, но не на обиды от девочек из состоятельных семей, дразнивших нас нищими сиротами, а на то, что мне

не всегда удается хорошо выполнить работу, порученную сестрами обители, не хватает усидчивости и терпения. «Но я справлюсь, верь, папа, я справлюсь».

Казалось, стоит только мне стать самой старательной, самой искусной, самой усидчивой, и отец обязательно придет. Конечно, он издалека почувствует, что монахиням есть за что похвалить его девочку, сказать, что у нее золотые руки, что она умница. Ему будет приятно слышать такое.

Только о покорности и готовности подчиняться правилам мыслей не было. Но я нутром чувствовала, что отец этого от меня не потребовал бы, он сам не подчинялся.

У меня красивый отец, очень красивый, все, что есть хорошего в моей внешности, — от него. Да, конечно, мои ровные белые зубы точно такие же, он всегда улыбался белозубой ровной улыбкой. И волосы густые тоже в него, и цвет глаз с искорками. А еще гордость, он никогда не плакал и нам не позволял. — Эй, только не ревь! Гордые люди не плачут.

Я была гордой, стала усидчивой и искусной, меня было за что хвалить (кроме разве нежелания подчиняться общим правилам).

Я стала... Но отец не вернулся. Ни тогда, ни позже.

Но я все равно ждала его и любила.

**Все в наших руках,
поэтому их нельзя
опускать.**

В Обазине была лестница. Каменная, без перил, то есть с одной стороны она прилегала к стене, а другая словно повисала над пропастью. Причем получалось так, что спускаться можно безопасно вдоль стены, а подниматься приходилось осторожно. Обычно мы так и ходили: быстрее вниз и медленно вверх. Почему-то мне это казалось несправедливым, и когда никто не видел, я взлетала по лестнице наверх через ступеньку.

Однажды беготню случайно увидела противная Луиза из тех, за которых платили, потому что они были «из хороших семей». Я поняла, что она обязательно донесет настоятельнице, а потому пообещала:

— Скажешь кому хоть слово, я тебе... брови выщиплю!

Угроза глупая, потому что брови выщипывали многие, конечно, не воспитанницы приюта. Но я точно знала, что это больно, потому что пыталась сузить свои излишне густые черные брови. Почему-то Луиза испугалась угрозы (может, тоже пробовала выщипывать?), она прошипела:

— По тебе исправительный дом плачет.

— Ага, — согласилась я, прыгая через ступеньку.

Пусть жалуется!

Не донесла, испугалась за свои белесые полосочки над глазами.

Потом на своей вилле «Ла Пауза» я сделала такую же лестницу, нарочно отправив архитектора в Обазин, чтобы скопировал. У меня она называлась «Лестница монашек». И никто не мог

понять, откуда столь странная прихоть. А это было всего лишь воспоминание о строгом детстве в обители.

На каникулы нас увозили к тете Луизе в Варенн, не потому что хотели видеть, а просто за компанию с ее дочерью Мартой. Сироток не слишком любили родственники, но я все равно ждала эти каникулы, просто на чердаке дома нашлось

настоящее сокровище — дешевые слащавые романы. Их когда-то собрали по кусочкам из газет и сшили толстой нитью. Читать приходилось осторожно, пожелтевшие листы легко рвались, но какое я получала удовольствие! В романах совершенно другая жизнь, где героини, даже если оказывались бедны, как монастырские крысы, не ходили в одинаковых платьях и за обедом не брали ложки в руки по команде дежурной сестры, зато переживали неистовые страсти.

Ничто не могло оторвать меня от рассказов о внешности и страданиях романтических героинь, от сопереживания благородным разбойникам, которым непременно надо победить врагов и спасти очаровательную девушку, чтобы потом на ней жениться.

Никто не смог бы убедить меня, что описание накидок, манто или лиловых платьев страстных красавиц, падающих в обморок по любому поводу, но обязательно на руки своих спасителей; мускулистых торсов героев, видных сквозь порванные в жестоких боях рубашки (при этом тела героев оставались без единой царапины, а раны мгновенно

**Свобода возможна
в любое время. Только
цена у нее разная...**

превращались в красивые шрамы) и подобной сентиментальной чуши не есть настоящая литература.

Героини с томным вздохом лишались чувств, а открыв глаза, обязательно обнаруживали перед собой красивое, мужественное лицо спасителя и тут же понимали, что это любовь...

Благородные разбойники или бедные красавицы, которых они спасали (а часто и те, и другие), потом оказывались вовсе не бедными, но действительно благородными, из-за козней родственников вынужденные вести разбойную жизнь или с детства скитаться по при-

ютам. Справедливость всегда торжествовала, мерзкие родственники бывали наказаны, а герои и героини возвращались в свои замки и жили с тех пор счастливо, купаясь в роскоши. Надо ли говорить, что такое чтиво к собственным родственникам любви не прибавляло...

Как бы ни было ужасно, но пристрастие к подобному мусору у меня сохранилось навсегда, а вот лиловый цвет я с тех пор ненавижу.

Конечно, встречалось и то, что стоило прочесть, даже обладая не стопками газетных вырезок, а большой библиотекой. Среди романчиков, годных только для растопки камина, нашлись книги Шарлотты Бронте. Сходство с ее героинями для меня было несомнен-

*Гора в Оверни.
Я видела ее однажды,
когда ехала
в Варенн-сюр-Алье.
Чем не Грозовой
перевал?*

ным. «Грозовой перевал» — одна из любимых книг до сих пор, а тогда я ее просто обожала.

Взять романы с собой в монастырь я, конечно, не могла, но за каникулы прочитывала столько, что до следующих едва успевала переварить.

Может, мой отец тоже воюет с врагами, чтобы освободить прекрасную незнакомку? При мысли о незнакомке становилось не по себе. Ради какой-то чужой женщины забыть о дочерях?! Никакая самая замечательная красавица в роскошном наряде такого не стоила! Я стала приглядываться к женщинам: какая из них могла бы заставить отца поступить так, эта? Или вот эта? А может, та в роскошном лиловом платье и шляпе с большущими перьями? Ненавижу яркий розовый цвет!

Мы редко покидали стены обители, так что глазеть приходилось на каникулах. Но и тогда у меня имелось не слишком много возможностей, по Варенну не гуляли незнакомки в немислимых нарядах, и благородные разбойники не водились тоже. Если и были, то совершенно неблагородные, грубые, дурно пахнущие и не в красивых кафтанах с позументом, а в лохмотьях, сквозь которые проглядывали вовсе не мускулистые торсы. А женщины ходили в выцветших от долгой носки шляпках с идиотскими букетами искусственных цветов, тоже блеклых и пыльных.

Только тетя Луиза, которую мы почему-то переименовали в Жюлию, умела

переделывать свои шляпки так, чтобы они оказывались ни на чьи не похожи. В Варенне подобный поступок выглядел дерзостью, но мы были счастливы, когда и нас привлекали к столь увлекательному занятию.

Творить... Неужели я научилась этому у тетки? Но все равно не любила ее, потому что после каникул приходилось возвращаться в приют, где нас снова звали сиротками!

Зато когда дед решал взять меня в Мулен, восторгам не было предела. Там совершенно другая жизнь, Мулен не Варенн,

попить целебной водички летом съезжалось множество желающих, от созерцания которых пойти кругом голова могла у кого угодно, не только у меня. Послушать оркестр, играющий в парке мелодии из модных оперетт, полюбоваться необычными и элегантными нарядами дам, внимать иностранной речи... Когда не понимаешь, о чем говорят красиво одетые люди (тогда я думала, что они одеты красиво), кажется, попала в заколдованный мир.

Моим сестрам это не нужно, ни Жюлия, ни Антуанетта в Мулен не рвались. Но я не переживала, потому что со мной была Адриенна — тетя, младшая дочь моих деда и бабки, моя ровесница, ставшая подругой на всю жизнь. У бабушки с дедом родились девятнадцать детей, почти все они выжили и имели свои семьи, некоторые мотались по свету, как мой отец, но большинство сидели на месте. И ни у кого не нашлось в доме местечка для племянниц, нас брала к себе

**Судьба и удача
вовсе не так слепы,
как кажется. Они
прекрасно видят,
с кем приходится
иметь дело...**

только Луиза и только на каникулы. Она на девятнадцать лет старше Адриенны, а потому Адриенна вместе со мной звала свою сестру тетей. А меня сестрой. Вот такие дела.

Конечно, нас никто не пу-
скал в центр города, на-
верное, боялись, чтобы
чем-то не соблазни-
лись. Как жили на
окраине, так и про-
гуливались там,
но после Обазина
и окраина малень-
кого Мулена казалась
почти Парижем.

Я пересказывала Адриен-
не прочитанные на чердаке
книги, мы их горячо обсужда-
ли и прикидывали, какая из увиденных
женщин годилась бы на роль очередной
героини. Это так занимательно...

Адриенна очень красивая, она осталась
такой и сейчас. Моя тетя вполне мо-
гла бы стать таинственной незнакомкой
из романов, но ее одевали немногим
лучше нас, дед не слишком стремил-
ся тратить деньги на украшение своих
женщин, считая, что красоту ни к чему
выставлять напоказ, это до хорошего не
доведет.

Там же я увидела нечто необычное. У ба-
бушки были роскошные волосы, когда
она их распускала, волосы покрывали
густой волной всю спину. Дед до ста-
рости ревновал жену и терпеть не мог
вида распущенных волос, все казалось,
что пытается кого-то соблазнить. Одна-
жды после безобразного выговора (дале-
ко не кроткий нрав у меня от деда, он
резок и несдержан на язык) бабушка

отрезала свою косу и с тех пор посто-
янно ходила в чепчике.

Это был протест, бабушка очень оби-
делась на мужа. Через много лет я по-
ступила так же, только чепчик
надевать не стала, правда,
очень часто, даже дома хо-
дила в головных уборах.
Как бабушка? Неужели
мои родственники
столь сильно повлияли
на мою жизнь, сами
того не желая? Глу-
по, лучше бы влияли
в другом.

На вопрос, когда же вер-
нется отец, дедушка только
пожимал плечами, а бабушка
отводила в сторону глаза. Я по-
нимала, что они знают, где их сын, но
предпочитала верить, что не знают.
Правильно, что отводили; надеяться, что
отец может хоть когда-нибудь вернуть-
ся, все же легче, чем точно знать, что
тебя бросили.

Но дедушка с бабушкой и сами не сидели
на месте, они тоже были рыночными
торговцами и разъезжали по ярмаркам.
Как при этом бабушка сумела родить
и вырастить столько детей, не пред-
ставляю. Может, потому она презира-
ла мою мать — слабую и никчемную,
только и способную виснуть без толку
у мужа на шее? Наверное, на мое отно-
шение к памяти матери повлияло отно-
шение бабушки.

Кстати, шляпка на голове дома — хо-
роший способ намекнуть тем, с кем
не слишком жаждешь общаться, что
тебе некогда. Если в доме появляются
нежеланные гости, я начинаю искать

**Безвкусица —
это творчество,
зашедшее в тупик
по вине глупости.**

перчатки и сумку; выглядит так, словно собираюсь уходить. Друзья знают, что это блеф, но намек понимают все.

Мы с Адриенной стали настоящими сестрами и душевными подругами, пронесли дружбу через всю жизнь. Хотя бывали годы, когда она предпочитала мне своего Мориса де Нексона. Вот до чего доводит любовь к мужчинам! Правда, когда Мориса не стало, Адриенна вернулась ко мне.

Тогда казалось, ничто не сможет разлучить нас. И вдруг...

Красавица Адриенна рыдала, уткнувшись в свою подушку.

— Что случилось? Кто тебя обидел?

Адриенна показала письмо:

— Отец. Смотри, что он пишет...

Я едва не закричала, на мгновение показалось, что это письмо МОЕГО отца! Но нет, писал дед — отец Адриенны. Сообщал, что ей подыскали жениха, а потому этот год обучения в Обазине последний. До меня не сразу дошло содержание, главное само письмо. Адриенне писал отец... Как бы я хотела получить хоть коротенькую записочку от своего! О чем угодно, только получить, чтобы знать, что он есть, что он помнит.

Но рыдания бедной Адриенны быстро привели в чувство.

Мулен, конечно, не Париж и даже не Виши, но после крошечного Обазина казался роскошным городом

— Почему ты плачешь, не хочешь замуж? Я точно знала, что Адриенна хочет, она мечтала о хорошей, крепкой семье, детях, добром и обеспеченном муже.

— За Поля не хочу...

— Почему?

— Он старый и... плюгавый. — Несчастливая Адриенна протянула карточку предполагаемого жениха.

Я согласилась с презрительным вердиктом. Конечно, старым Поль мог быть только с нашей точки зрения, но внешностью благородного разбойника жених Адриенны действительно не отличался, скорее наоборот.

— Мне уже сказали, что на следующей неделе нужно уезжать домой, чтобы выйти замуж...

Слезы снова полились ручьем.

— А ты?

— Я согласилась, что я могу?

— То есть тебя прямо отсюда и под венец?

— Да. Я лучше монахиней стану, чем за Поля.

— Вот еще! По-моему, лучше сбежать.

— Куда?

— Не знаю, мы же смогли заработать, продавая сладости, сможем и еще.

На каникулах нам действительно повезло, на несколько дней удалось заменить продавщицу сладостей с лотка и немного подзаработать. Эти деньги до сих пор лежали в кубышке, и о них никто не знал.

Мы сбежали. Более нелепый побег придумать невозможно. Кому нужны две мечтательницы-недотроги? Где работать и жить? Куда мы вообще бежали? Неважно, главное — из неволи!

Ума хватило только на то, чтобы согласно поведению героинь романов выбросить кое-какую одежду, свернутую в узел, в окошко, чтобы не шествовать с этими узлами у всех на виду. Дальше начался спор. Денег немного, на поезд купили билеты во второй класс, но я уперлась:

— Поедем первым!

Где еще мы могли встретить принца на белом коне? Неважно, что лошади, даже белые, в поездах не ездят, главное, первым классом ездят принцы, это я знала точно. Адриенна пыталась меня утешать, но то ли делала это не слишком решительно, то ли мой напор оказался куда сильнее, поехали мы с шиком (обшарпанный вагон первого класса тогда казался шиком, как же, в нем были диваны, обитые потертым бархатом, расцветка которого от ветхости не поддавалась определению!).

К нашему сожалению, ни принцев, ни даже их лошадей в вагоне, конечно, не обнаружилось, зато быстро появился строгий контролер, разжалобить которого не удалось. Плакали наши денежки, потому что, кроме доплаты от второго до первого класса, пришлось заплатить немалый штраф. На жизнь не осталось ничего, ни романтические герои, ни благородные разбойники вы-

ручать двух наивных дурочек не собирались. А неромантические, оглядывавшие нас масляными глазками и отпускаявшие гадкие шуточки, явно не подходили.

Пришлось возвращаться. Только куда, не в Обазин же?

Тетю Луизу в Варенне едва не хватил удар, когда она поняла, что мы натворили.

— Как вы будете смотреть в глаза своим воспитательницам?!

Очень хотелось ответить, что спокойно, но смотреть не пришлось. Нас категорически отказались принять в Обазине. Кому нужны столь непутевые воспитанницы? Если честно, то я никаких угрызений совести не испытывала. Разве может страдать пойманный узник при воспоминании о своей тюрьме?

Но нас ждала другая тюрьма. Забота и милосердие сестер не оставляет тех, кто попал в их сети. Так заботливый хозяин, погладив пса, обязательно проверит, крепка ли цепь, чтобы тот случайно не оборвал привязь, держащую

его в принудительном раю. И хозяина мало беспокоит, что псу хотелось бы побегать на воле, пусть даже впроголодь. Он создал все условия, пес должен быть благодарен.

Нас не вернули в Обазин, а поместили в пансион института Богоматери в Мулене. Снова бесплатно, снова в качестве обузы и приживалок. Ну и что, что это Мулен, а не Обазин? На два года тюрьма, потому что выходить за ограду нельзя, ничего нельзя. Можно только молиться и учиться шить — должна же быть у нас какая-то профессия, которая поможет заработать на пропитание.

Когда однажды через много лет мне пригрозили тюрьмой, я ответила, что свое уже отсидела. Тот, кто спрашивал, не понял, о чем я, широко раскрылись глаза:

— Вы, мадемуазель? За что?!

— За инакомыслие.

Разве тюрьма — только где решетки на окнах? Нет, это там, где зарешечены возможности.